

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Теодор Моммзен

1817–1903

Теодор
Моммзен

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ
РИМА

Москва
2024

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
М76

Перевод с немецкого — *С. И. Ковалев, Н. А. Машкин*

Моммзен, Теодор.
М76 История Рима / Теодор Моммзен ; [перевод с немецкого С. И. Ковалева, Н. А. Машкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 768 с. : ил.

ISBN 978-5-04-184389-2

Выдающийся немецкий историк, юрист, филолог Теодор Моммзен (1817—1903) создал лучшее классическое исследование по римской истории, за что был удостоен Нобелевской премии по литературе и получил благодарственный титул «почетный гражданин Рима».

«История Рима» — шедевр мировой научной литературы, оказавший огромное влияние на развитие всех гуманитарных наук. В этом труде полно раскрылся глубокий талант историка — объективного ученого, неутомимого исследователя, глубокого интеллектуала и непревзойденного рассказчика. Автор повествует о Древнем Риме, руководствуясь не готовыми наработками предшественников, а собственным научным опытом: анализом древних текстов, изучением артефактов, результатами раскопок и глубинным анализом сказаний и легенд — итогом его четырехлетней командировки в Италию. Ученым были собраны и систематизированы более ста тысяч уникальных документов. Моммзен, как никто другой, сумел стряхнуть с исторических источников вековую пыль и вдохнуть в них жизнь, воссоздав в своем исследовании и обстоятельную хронику событий, и живую атмосферу давних времен. Читателя ждет увлекательное путешествие к берегам Тибра, в глубь веков — с момента основания Вечного города до истории римских провинций и закатных дней империи. Эта книга — блестящий образец величайшей признательности и бескорыстной любви к историческому прошлому человечества. Сегодня труд Теодора Моммзена, единственного нобелевского лауреата — историка, переведена на все европейские языки. Но лишь в нашем, российском издании представлены более полутысячи уникальных иллюстраций — никогда еще великое произведение Моммзена не имело такого достойного визуального обрамления!

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-04-184389-2

© Текст, примечания, комментарии, иллюстрации, макет, оформление.
Fortune Triumph Ltd., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1843 г. ученый совет Кильского университета принял к защите блестящую докторскую диссертацию, посвященную римскому законодательству. В течение последующих четырех лет автор, молодой доктор истории, получив право на научную командировку в Италию, изучил и скопировал более тысячи исторических источников, относящихся к эпохе Рима I тыс. до н. э.

С 1863 г. в свет начали выходить собранные и систематизированные им документы, издание которых разместилось в 20 пухлых томах. Даже если бы их автор-составитель, Теодор Моммзен, более ничего не сделал для исторической науки, его имя навсегда было бы включено в реестр авторитетных мировых историков. В 1893 г., отмечая 50-летний юбилей ученого, его британские коллеги написали, что Моммзен «исполнил задачи, одолеть которые, казалось, было не под силу целому поколению историков».

Однако всемирную славу Теодору Моммзену принес его труд «История Рима». Скрупулезная работа, сделанная на основании собранных источников, позволила ученому изложить римскую историю от основания Великого города до истории римских провинций. Труд предполагал пять томов, однако последний том, в котором планировалось осветить историю правления римских императоров, написан не был.

В этом труде раскрылся весь талант историка — непревзойденного рассказчика, объективного ученого и неутомимого исследователя. В 1902 г. за этот труд Теодор Моммзен был удостоен Нобелевской премии по литературе и получил титул «почетный гражданин Рима».

Сегодня «История Рима» переведена на все европейские языки и выдержала десятки изданий. Конечно, определенные выводы и заключения автора, сделанные более чем полтора века назад, могут быть оспорены современниками. Как истинный гражданин и патриот своей страны, Теодор Моммзен, являясь сторонником объединения германских земель, несколько лет подряд был депутатом прусского ландтага, германского рейхстага. Страстно отстаивающий интересы своей родины ученый не смог избежать тенденциозности при освещении определенных событий. При этом несомненно одно: Теодор Моммзен, проделав колоссальный труд, сумел оставить его потомкам как знак величайшей признательности и бескорыстной любви к историческому прошлому человечества.

КНИГА ПЕРВАЯ

ДО УПРАЗДНЕНИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Более древние события было невозможно достоверно исследовать по давности времени, но по долгом размышлении над теми памятниками, которым можно довериться, я полагаю, что не было совершено никаких великих дел: ни военных, ни каких-либо других.

Фукидид

ВВЕДЕНИЕ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

На извилистых берегах Средиземного моря, которое, глубоко врезааясь в материк, образует самый большой из заливов океана и, то суживаясь от рассеянных на нем островов и от выступов твердой земли, то снова разливаясь на значительное пространство, разделяет и соединяет три части Старого Света, с незапамятных времен поселились народы, принадлежащие в этнографическом и лингвистическом отношении к различным расам, но в историческом отношении составлявшие одно целое.

Это историческое целое и составляет именно то, что принято не совсем правильно называть историей Древнего мира; в сущности, это не что иное, как история культуры тех народов, которые жили вокруг Средиземного моря. В четырех главных стадиях своего развития эта история представляет собою историю коптского, или египетского, племени, жившего на южном побережье, историю арамейской, или сирийской, нации, занимавшей восточные берега и проникнувшей глубоко внутрь Азии до берегов Евфрата и Тигра, и историю народов-близнецов, эллинов и италиков, которым достались в удел европейские берега Средиземного моря. Хотя каждая из этих историй в своем начале связана с иным кругом представлений и с иными сферами исторической жизни, тем не менее каждая из них скоро принимает свое особое направление.

Однако, хотя жившие вокруг этой обширной сферы разнородные или даже родственные по происхождению племена — берберы и негры Африки, арабы, персы и индийцы Азии, кельты и германцы Европы — и приходили в частные соприкосновения с теми обитателями берегов Средиземного моря, они не имели значительного влияния на культуру этих обитателей и сами мало подчинялись постороннему влиянию, поскольку возможно вообще разграничение культурных кругов, поскольку должен считаться

единым культурным кругом тот, вершинами которого являлись Фивы, Карфаген, Афины и Рим.

После того как каждая из этих четырех наций достигла самостоятельным путем самобытной и величественной цивилизации, они вступили в самые разнообразные взаимные отношения и придали яркую и богатую окраску всем элементам человеческой природы, пока наполнился и этот круг и пока новые народности, до тех пор лишь подобно волнам обтекавшие окраину средиземноморских государств, разлились по обоим берегам и, отделив в историческом отношении южный берег от северного, перенесли центр цивилизации с берегов Средиземного моря на берега Атлантического океана.

Таким образом, древняя история отделяется от новой не случайно и не хронологически. То, что мы называем новой историей, в сущности, есть образование нового культурного круга, который соприкасается во многих эпохах своего развития с уходящей или с уже ушедшей цивилизацией средиземноморских государств, подобно тому как эта последняя примыкает к более древней, индогерманской, но которой также суждено идти ее собственным путем и до дна испить чашу и народного счастья, и народных страданий.

Ей также суждено пережить эпохи возмужания, зрелости и старости, благодатные усилия творчества в области религии государственных учреждений и искусств, безмятежное пользование приобретенным материальным и духовным богатством и, быть может, со временем истощение творческих сил в пресыщенной удовлетворенности достигнутой целью.

Но и эта цель представляет собою лишь нечто преходящее; самая величественная система цивилизации имеет свои пределы, внутри которых способна выполнить свое назначение, но человечество не выполнит его никогда. Как только оно, казалось, уже достигает цели, ему снова приходится разрешать старую задачу на более широком поприще и в более высоком смысле.

ИТАЛИЯ

Наша задача заключается в описании последнего факта того великого всемирно-исторического зрелища древней истории среднего из трех полуостровов, которые выдвинулись из северного материка в глубь Средиземного моря. Его образует та ветвь Западных Альп, которая направляется к югу. Апеннины тянутся сначала в юго-восточном направлении между более широким западным заливом Средиземного моря и узким восточным заливом и, приближаясь к этому последнему, достигают в Аbruцци своей наибольшей высоты, которая, впрочем, едва доходит до линии вечных снегов. От Аbruцци горная цепь принимает южное направление сначала без разветвлений и не утрачивая значительной высоты, но за котловиной, образующей гористую местность, она разделяется на более пологий юго-восточный кряж и на более крутой южный и кончается в обоих направлениях тем, что образует два узких полуострова.

Низменность, которая тянется на севере между Альпами и Апенниннами, расширяясь в направлении к Аbruцци, не принадлежит ни в географическом отношении, ни — до позднейшего времени — в историческом отношении к той гористой и холмистой Южной Италии, историю которой мы намереваемся изложить. Прибрежная страна от Синигальи до Римини была включена в состав Италии только в седьмом столетии от основания Рима, а долина реки По только в восьмом; стало быть, древней северной границей служили для Италии не Альпы, а Апеннины.

Эти последние не тянутся ни в одном направлении крутой горной цепью, а расплываются по всей стране. Они заключают в себе много долин и плоскогорий, соединенных между собою довольно удобными горными проходами, и представляют годную для заселения почву, в особенности на тех склонах и побережьях, которые примыкают к ним с востока, юга и запада. Правда, вдоль восточного побережья тянется замыкаемая с севера кряжем Аbruцци и прерываемая только утесистыми выступами Гарганских гор Апулийская равнина, которая представляет однообразную плоскость со слабо очерченными береговыми линиями и с плохим орошением. Но на южном берегу, между обоими полуостровами, которыми оканчиваются Апеннины, примыкает к внутренней гористой местности обширная низменность, которая хотя и бедна гаванями, но обильна водой и плодородна.

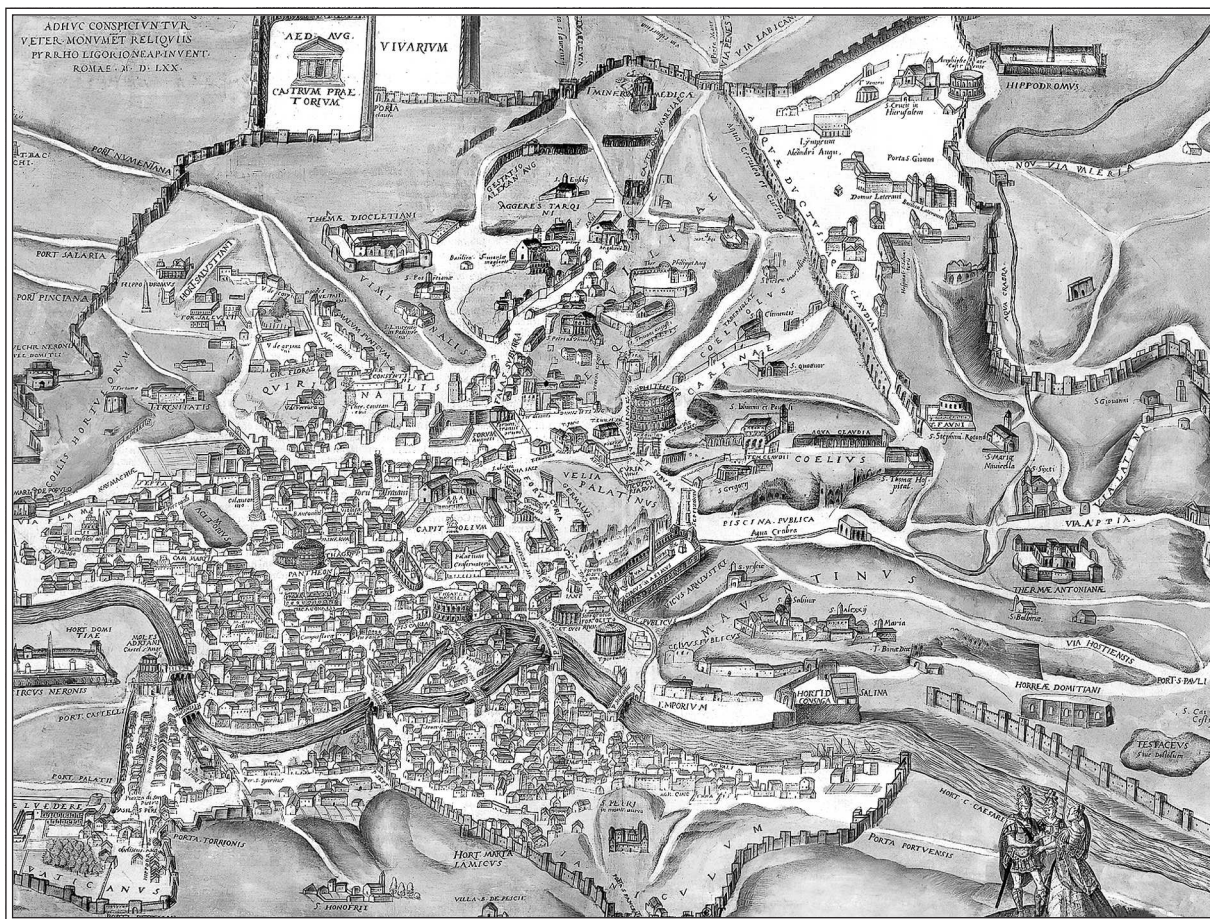
Наконец, западный берег представляет обширную страну, по которой протекают значительные реки, особенно Тибр, и в которой действие вод и когда-то многочисленных вулканов образовало самые разнообразные формы долин и горных возвышенностей,

гаваней и островов, а находящиеся там области — Этрурия, Лациум и Кампания — были сердцевинной италийской земли. К югу от Кампании предгорье мало-помалу исчезает, и горная цепь почти непосредственно омывается у своей подошвы Тирренским морем. Сверх того, к Италии примыкает, точно так же как Пелопоннес к Греции, самый красивый и самый большой из островов Средиземного моря — Сицилия, в которой гористая и частью пустынная середина опоясана, в особенности с восточной и южной сторон, широкой полосой прекрасного, большею частью вулканического побережья. Так же как в географическом отношении Сицилийские горы составляют продолжение Апеннин, прерванное лишь небольшой «скважиной» морского пролива, так и в историческом отношении Сицилия составляла в древние времена неоспоримую часть Италии, подобно тому как Пелопоннес составлял часть Греции.

Сицилия была театром столкновения тех же племен, которые сталкивались в Италии, и была вместе с последней центром такой же высокой цивилизации. Италийский полуостров пользуется наравне с греческим умеренною температурой и здоровым воздухом на склонах своих не очень высоких гор, в своих долинах и равнинах.

Береговая линия развита слабее, чем в Греции; Италии в особенности недостает усеянного островами моря, благодаря которому эллины сделались нацией мореплавателей. Зато Италия превосходит свою соседку богатством орошаемых реками равнин и плодородием покрытых кормовыми травами горных склонов, т. е. тем, что нужно для земледелия и скотоводства. Она, так же как и Греция, прелестная страна, в которой человеческая деятельность находится для себя и поощрение и награду и в которой одинаковым образом для беспокойных стремлений открываются пути в даль, а для спокойных — возможность мирных приобретений на родине. Но греческий полуостров обращен лицом к востоку, а италийский — к западу.

Как для Эллады эпиротское и акарнанское побережья, так и для Италии побережья апулийское и мессапское имеют второстепенное значение, и между тем как в Элладе смотрят на восток Аттика и Македония, т. е. те области, которые служили фундаментом для ее исторического развития, в Италии смотрят на запад и Этрурия, и Лациум, и Кампания. Таким образом, несмотря на то что эти два полуострова находятся в таком близком соседстве и что они связаны почти братскими узами, они как бы отворачиваются один от другого. Хотя из Отранто можно видеть невооруженным глазом Акрокеранские горы, однако италики и эллины сходились на всех других путях и раньше и теснее, чем на самом ближайшем пути, который идет через Адриатическое море. В этом слу-

Историческая карта Древнего Рима I века н. э. Италия. 1570 г.

чае — как это нередко бывает и при других географических условиях — заранее было predetermined историческое призвание народов: из двух великих племен, вырастивших цивилизацию Древнего мира, одно бросило свою тень и свое семя на восток, а другое на запад.

История Италии

Здесь будет изложена история Италии, а не история города Рима. По формальному государственному праву именно римская городская община завладела сначала Италией, а потом целым миром, но этого никак нельзя утверждать в высоком историческом смысле, и то, что обыкновенно называют завоеванием Италии римлянами, было, скорее, соединением в одно государство всего италийского племени, в котором римляне были лишь ветвью, хотя и самую могущественною.

История Италии распадается на два главных отдела: на внутреннюю историю Италии до ее объ-

единения под верховенством латинского племени и на историю италийского мирового владычества. Нам предстоит рассказать о поселении италийского племени на полуострове; об опасностях, угрожавших его национальному и политическому существованию; о покорении некоторых его частей народами иного происхождения и более древней цивилизации — греками и этрусками; о восстании италиков против чужеземцев и об истреблении или покорении этих последних; наконец, о борьбе двух главных италийских племен — латинов и самнитов — за гегемонию на полуострове и о победе латинов в конце IV века до Р. Х., или V века от основания Рима. Это будет составлять содержание двух первых книг. Второй отдел начинается Пуническими войнами; он обнимает стремительно быстрое расширение Римского государства до естественных границ Италии и за пределы этих границ, продолжительный *status quo* Римской империи и распадение громадного государства. Это будет изложено в третьей книге и в тех, которые за нею следуют.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ИТАЛИЮ

КОРЕННЫЕ ИТАЛИЙСКИЕ ПЛЕМЕНА

О первом переселении человеческого рода в Италию нет не только никаких сведений, но и никаких преданий; в древности даже существовало общее убеждение, что там, как и повсюду, первые жители были коренным местным населением. Впрочем, разрешение вопросов происхождения различных рас и их генетических отношений к различным климатам принадлежит по праву натуралистам, а для историка и невозможно и неважно разрешение вопроса, были ли древнейшие из известных ему обитателей какой-либо страны исконными или пришлыми. Но историк, конечно, обязан выяснить последовательное наслоение народностей в данной стране, для того чтобы можно было проследить с отдаленнейших по возможности времен, как совершался переход от низшей культуры к высшей и как менее способные к культуре или менее развитые племена были подавлены стоявшими выше в культурном отношении.

Впрочем, Италия чрезвычайно бедна памятниками первобытной эпохи и представляет в этом отношении достойную внимания противоположность другим культурным областям. Из добытых изучением германской древности данных можно судить, что до того, как индогерманские племена поселились в Англии, Франции, Северной Германии и Скандинавии, в Италии жил или, скорее, бродил народ, быть может, чудской расы, который снискивал средства существования охотой и рыбной ловлей, делал свою утварь из камня, глины или костей и украшал себя звериными зубами и янтарем, но не был знаком ни с земледелием, ни с употреблением металлов. Точно так же в Индии менее способное к культуре темнокожее население предшествовало индогерманскому. Но в Италии мы не встречаем таких следов вытесненного народа, какими в кельто-германской области являются финны и лопари и в индийских горах — чернокожие племена.

Элементами древнейшей истории являются отдельные народные индивиды — племена. Для некоторых из племен, которые мы встречаем в более

позднюю пору в Италии, исторически доказана иммиграция, как для эллинов, другие же, как бреттии и обитатели сабинской земли, утратили свою национальность.

Кроме этих двух категорий есть еще много других племен, переселение которых может быть доказано не историческими свидетельствами, а путем апрорных доказательств и национальность которых, по-видимому, не подвергалась резким переменам под гнетом внешнего влияния. Их-то национальная индивидуальность и должна быть прежде всего установлена путем исторического исследования. Но нам пришлось бы отклонить от себя эту задачу как безнадежную, если бы мы должны были довольствоваться кучей путаных названий народов и мнимо историческими, бессвязными преданиями, которые складывались из немногих годных наблюдений, добытых просвещенными путешественниками, и из множества большей частью скудных по своему содержанию преданий — складывались обыкновенно без всякого понимания настоящего смысла преданий и истории — и которые записывались чисто формально. Однако и для нас существует один источник сведений, из которого мы можем черпать, правда, отрывочные, но достоверные указания, — это туземные наречия, на которых говорили племена, жившие в Италии с незапамятных времен. Они возникли вместе с самим народом, и отпечаток их происхождения врезался в них так глубоко, что его не могла совершенно изгладить возникшая впоследствии культура. Если только один из итальянских языков знаком нам вполне, то от многих других до нас дошло все-таки достаточно остатков, по которым историк в состоянии определить степень родового различия или сходства между отдельными языками и народностями. Таким образом, языковедение научает нас различать три основных итальянских корня — япигский, этрусский и (как мы позволим себе его назвать) итальянский, из которых последний разделяется на две главные ветви — на латинское наречие и на то, к которому принадлежат диалекты умбров, вольсков, марсов и самнитов.

на умбров и осков. Языковедение, конечно, не в состоянии объяснить нам, где и когда совершались эти разделения, и самый отважный ум едва ли попытается ощупью следить за этими переворотами, из которых самые ранние совершались, без сомнения, задолго до того времени, когда предки италиков перешли через Апеннины. Если же мы будем правильно и осмотрительно пользоваться сравнением языков, оно может дать нам приблизительное понятие о степени культурного развития, на которой находился народ в то время, когда начались разделения племен. Этим путем мы можем ознакомиться с зачатками истории, которая есть не что иное, как развитие цивилизации. Ведь именно в эпоху своего образования язык служит верным изображением и органом достигнутой степени культуры; великие технические и нравственные перевороты сохраняются в нем, как в архиве, из которого будущие поколения непременно будут черпать документальные сведения о тех временах, о которых молчит всякое непосредственное предание.

ИНДОГЕРМАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Когда разделенные теперь индогерманские народы еще составляли одно нераздельное племя, говорившее на одном языке, они достигли известной степени культуры и создали соответствовавший этой степени запас слов. Народы же, впоследствии выделившиеся из этого племени, получили этот запас как общее достояние в его традиционно установленном употреблении и стали самостоятельно строить на этом фундаменте.

ГРЕКО-ИТАЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Если определение той степени культуры, которой достигли индогерманцы до разделения на племена, составляет, скорее, задачу всеобщей истории Древнего мира, то разрешение по мере возможности вопроса, в каком положении находилась греко-италийская нация во время отделения эллинов от италиков, составляет прямую задачу того, кто пишет историю Италии. И этот труд не будет излишним, так как этим путем мы отыщем исходную точку италийской цивилизации и вместе с тем исходную точку национальной истории.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Все свидетельствует о том, что германцы вели Пастушеский образ жизни и были знакомы разве только с одними дикими хлебными растениями, между тем как греко-италики по всем признакам были хлебопашцами и, быть может, даже виноделами. Об этом свидетельствует вовсе не общий харак-

тер земледелия у этих двух наций, так как он вообще не дает права делать заключение о древней общности народов.

Едва ли можно оспаривать историческую связь индогерманского земледелия с земледелием китайских, арамейских и египетских племен, однако эти племена или не находятся ни в какой родственной связи с индогерманцами, или отделились от этих последних в такое время, когда бесспорно еще не было никакого земледелия. Скорее можно предполагать, что стоявшие на более высокой ступени развития племена в старину постоянно обменивались орудиями культуры и культурными растениями, точно так же как это делается в наше время, а когда китайские летописи ведут начало китайского земледелия от введения пяти родов хлеба при определенном царе и в определенный год, то этот рассказ, по крайней мере в своих общих чертах, рисует с несомненной верностью положение культуры в самую древнюю ее эпоху.

Общность земледелия, точно так же как и общее употребление азбуки, боевых колесниц, пурпура и других орудий и украшений, позволяют делать заключения гораздо чаще о древних сношениях между народами, чем о коренном единстве народов. Но в том, что касается греков и италиков, довольно хорошо известные нам их взаимные отношения заставляют нас считать совершенно недопустимым предположение, будто земледелие было впервые занесено в Италию, точно так же как письменность и монета, — эллинами.

В то время когда возникло земледелие, эллины и италики, как кажется, составляли одно народное целое не только между собой, но и с другими членами великой семьи. Отделение общего наследственного достояния от благоприобретенной собственности каждого отдельного народа в отношении нравов и языка до сих пор еще не произведено вполне и с такой многосторонностью, которая соответствовала бы всем разветвлениям народов и всем степеням их развития; изучение языков в этом отношении едва начато, а историография до сих пор еще черпает свои сведения о самых древних временах преимущественно из неясных окаменелых преданий, а не из богатого родника языков. Поэтому нам приходится пока довольствоваться указанием различия между культурой индогерманской народной семьи в самые древние времена ее единства и культурой той эпохи, когда греко-италики еще жили нераздельной жизнью. Разобраться же в культурных результатах, чуждых азиатским членам этой семьи, а затем отделить успехи, достигнутые отдельными европейскими группами, как например, греко-италийской и германо-славянской, если и будет когда-либо возможно, то во всяком случае лишь тогда, когда подвинется вперед изучение языков и вещественных памятни-

ков. Бесспорно, однако, что земледелие сделалось для греко-италийской народности, точно так же как и для всех других народов, зародышем и сердцевиной народной и частной жизни и что оно осталось таковым в народном сознании.

Дом и постоянный очаг, которые заводятся земледельцем взамен легкой хижины и менявшегося места для очага у пастухов, изображаются и идеализируются в богине Весте, или *Estia*, — почти единственной, которая не была индогерманского происхождения, а между тем искони была общей для обеих наций. Одно из древнейших сказаний италийского племени приписывает царю Италу, или — как должны были выговаривать это имя италики — Виталу, или Витулу, переход народа от пастушеской жизни к земледелию и очень осмысленно связывает с этим переходом начало италийского законодательства; то же сказание повторялось, но только в иной форме, когда легенда самнитского племени называла пахотного быка вожаком первых поселенцев или когда древнейшие латинские имена называют народ жнецами (*siculi* или *sicani*) или земледельцами (*opsci*). Так называемое сказание о происхождении Рима уже потому не есть настоящее народное сказание, что в нем народ, который ведет пастушеский образ жизни и занимается охотой, является вместе с тем основателем города; у италиков, точно так же как у эллинов, сказания и религия, законы и обычаи были всецело связаны с земледелием.

Оскский и умбрский ворс (*vorsus*), имеющий 100 футов в квадрате, в точности соответствует греческому плетрону. И принцип межевания одинаков. Землемер становится лицом к какой-нибудь стороне света и прежде всего проводит две линии — с севера на юг и с востока на запад, — в точке пересечения которых (*templum*, *temenoi* от *temno* — он сам находится; затем на неизменно установленном расстоянии от главных пересекающихся линий он проводит параллельные с ними линии, вследствие чего образуется ряд прямоугольных участков, на углах которых ставятся межевые столбы (*termini*, в сицилийских надписях *termonej*, обычно *oroï*).

Измерение площадей и способ их межевания, точно так же как и земледелие, были основаны у обоих народов на одинаковых началах; ведь обработка земли немислима без какого-либо, хотя и грубого, способа измерения.

Хотя этот способ межевания и был в употреблении у этрусков, но едва ли был этрусского происхождения; мы находим его у римлян, у умбров, у самнитов и также в очень древних документах тарентинских гераклеотов, которые, вероятнее всего, не заимствовали его у италиков, точно так же как и эти последние не заимствовали его у тарентинцев, так как он издревле составлял их общее достояние.

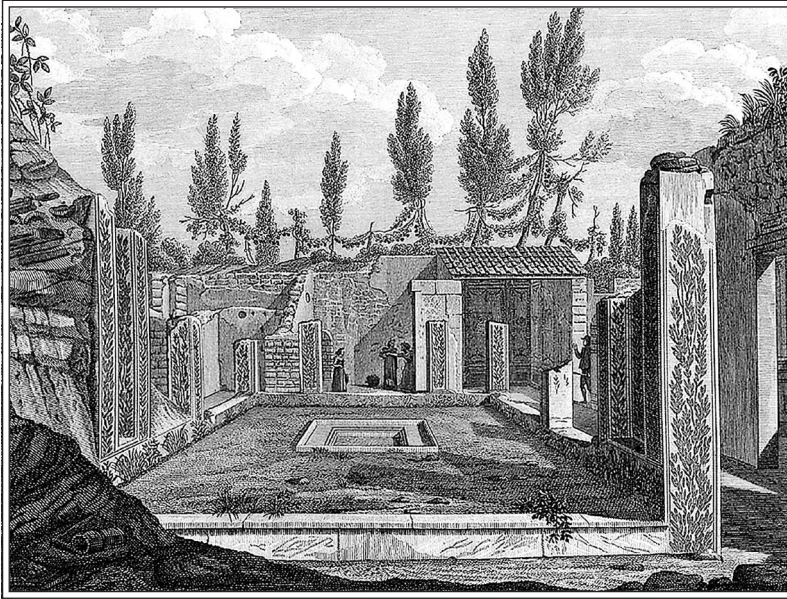
Чисто римской и характерной особенностью было лишь своеобразное развитие принципа квадратов, доходившее до того, что даже там, где река и море составляли естественную границу, на них не обращали внимания, и они включались в участок для составления полного квадрата.

ДРУГИЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВА

Но чрезвычайно тесная родственная связь греков с италиками несомненно обнаруживается не в одном земледелии, но и во всех остальных сферах древнейшей человеческой деятельности. Греческий дом, в том виде, как его описывает Гомер, немногим отличается от тех построек, которые постоянно возводились в Италии; главной комнатой, а первоначально и всем внутренним жилым пространством латинского дома был атриум, т. е. черный покой с домашним алтарем, с брачной постелью, с обеденным столом и с очагом: не чем иным был и гомеровский мегарон с его домашним алтарем, очагом и почерневшим от копоти потолком. Нельзя того же сказать о судостроении.

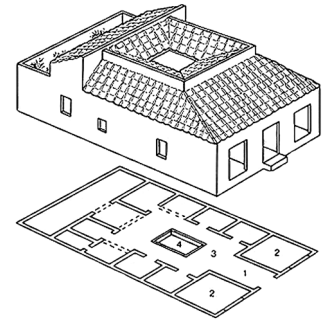
Гребная ладья была издревле общим достоянием индогерманцев; но переход к парусным судам едва ли может быть отнесен к греко-италийскому периоду, так как мы не находим морских названий, которые не были бы общими для индогерманцев, а появились бы впервые у греков и у италиков. Напротив того, Аристотель сравнивает с критскими сисситиями очень древний обычай италийских крестьян обедать за общим столом, а мифические сказания связывают происхождение таких общих трапез с введением земледелия.

Древние римляне сходились с критянами и лаконцами также в том, что ели сидя, а не лежа на скамье, как это впоследствии вошло в обыкновение у обоих народов. Добывание огня посредством трения двух кусков разнородного дерева было общим у всех народов, но конечно не случайно сходятся греки и италики в названии двух кусков дерева — трущего (*trupanon*, *terebra*) и подложенного (*storeuj*, *escara*, *tabula*, конечно от *tendere*, *tetamai*). Точно так же и одежда была в сущности одинакова у обоих народов, так как туника вполне соответствует хитону, а тога — не что иное, как более широкий гиматий; даже относительно столь изменчивого предмета, как оружие, оба народа сходятся по меньшей мере в том, что метательное копьё и лук служат для них главными орудиями нападения; у римлян это ясно обнаруживается в самых древних названиях воинов (*pilumni* — *arquites*) и в том, что их оружие было приспособлено к самым древним боевым приемам, не рассчитанным собственно на рукопашные схватки. Таким образом, все, что касается материальных

Помпеи. Атриум римского дома с небольшим центральным бассейном в окружении шести декорированных колонн.

Рисунок Ф. Маура. Начало XIX в.

Италийский домус этрусского типа с табернами.

Реконструкция и схема плана

Италийский домус был дальнейшим развитием атриумного дома.

1. Вестибул — вход, прихожая.
2. Таберны — комнаты, примыкающие к атриуму. Могли иметь отдельный вход снаружи и не иметь прохода внутрь. В них могли размещаться мастерские, склады или лавки.
3. Атриум — крытый двор со световым колодезем над бассейном (4).

основ человеческого существования, восходит в языке и в нравах греков и италиков к одним и тем же элементам, и те самые древние задачи, которые земля задает человеку, были сообща разрешены обоими народами в то время, как они еще составляли одну нацию.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ИТАЛИКАМИ И ГРЕКАМИ

Не то было в духовной области. Великая задача жить в сознательной гармонии с самим собой, с себе подобными и со всем человечеством допускает столько же решений, сколько областей в Царстве Божьем, и именно в этой области, а не в материальной, обнаруживается различие в характерах как отдельных личностей, так и целых народов.

В греко-италийском периоде, как следует предполагать, еще не было поводов, по которым могла бы обнаружиться эта внутренняя противоположность; только между эллинами и италиками впервые проявилось то глубокое духовное различие, влияние которого не прекращается до настоящего времени. Семья и государство, религия и искусство были как в Италии, так и в Греции до такой степени своеобразны и развились в таком чисто национальном духе, что общая основа, на которую опирались в этом отноше-

нии оба народа, была обоими превзойдена и почти совершенно скрылась от наших взоров.

Сущность эллинского духа заключалась в том, что целое приносилось в жертву отдельной личности, нация — общине, община — гражданину; его идеалом была прекрасная и нравственная жизнь и слишком уже часто приятная праздность; его политическое развитие заключалось в углублении первоначальной обособленности отдельных областей и позднее даже во внутреннем разложении общинной власти; его религиозное воззрение сначала сделало из богов людей, потом отвергло богов, дало свободу членам тела в публичных играх нагих юношей и полную волю мысли во всем ее величии и во всей ее плодovitости.

Сущность же римского духа выражалась в том, что он держал сына в страхе перед отцом, гражданин — в страхе перед его повелителем, а всех их в страхе перед богами; он ничего не требовал и ничего не уважал, кроме полезной деятельности, и заставлял каждого гражданина наполнять каждое мгновение короткой жизни неуспынным трудом; даже мальчикам он ставил в обязанность стыдливо прикрывать их тело, а тех, кто не хотел следовать примеру своих товарищей, относил к разряду дурных граждан; для него государство было все, а расширение государства было единственным незапретным высоким стремлением. Кто бы мог мысленно подвести эти резкие противоположности под то первоначальное един-

ство, которое когда-то заключало их в себе и которое подготовило их и породило? Пытаться приподнять эту завесу было бы и безрассудно и слишком дерзко; поэтому мы попытаемся обозначить начало италийской национальности и ее связь с более древней эпохой только легкими штрихами: наша цель заключается не в том, чтобы выражать словами догадки проницательного читателя, а в том, чтобы навести его на настоящий путь.

СЕМЕЙСТВО И ГОСУДАРСТВО

Все, что может быть названо в государстве патриархальным элементом, было основано и в Греции, и в Италии на одном и том же фундаменте. Сюда прежде всего следует отнести нравственный и благопристойный характер общественной жизни, который ставит в обязанность мужчине одноженчество, а женщину строго наказывает за прелюбодеяние и который утверждает равенство лиц обоих полов и святость брака, отводя матери высокое положение в домашнем кругу. Наоборот, сильное и не обращающее никакого внимания на права личности развитие власти мужа, и в особенности отца, было чуждо грекам, но было свойственно италикам, а нравственная подчиненность впервые превратилась в Италии в установленное законом рабство. Точно так же и составляющее самую сущность рабства полное бесправие раба поддерживалось римлянами с безжалостной строгостью и было развито во всех своих последствиях, между тем как у греков рано появились фактические и правовые смягчения, так, например, брак между рабами был признан законной связью.

На доме зиждется род, т. е. общность потомков одного и того же родоначальника, и родовой быт переходит и у греков, и у италиков в государственное устройство. Но при более слабом политическом развитии Греции родовой союз долго сохранял наряду с государством свою корпоративную силу даже в историческую эпоху, между тем как италийское государство скоро до такой степени окрепло, что роды совершенно стерлись перед ним, и оно представляло не соединение родов, а соединение граждан. А тот противоположный факт, что в Греции отдельная личность достигла в противовес роду внутренней свободы и своеобразного развития ранее и полнее, чем в Риме, ясно отразился в совершенно различном у обоих народов развитии собственных имен, которые, однако, были первоначально однородными.

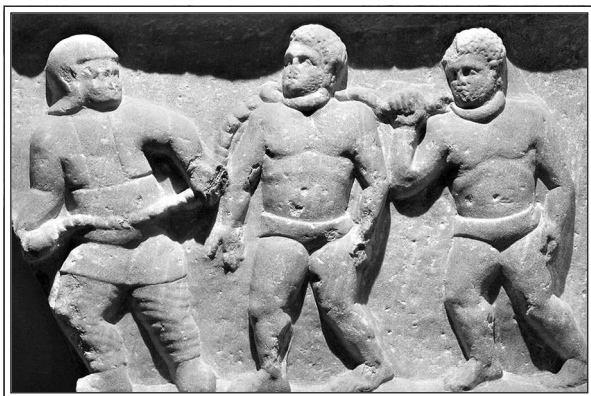
В более древних греческих собственных именах родовое имя очень часто присоединяется к индивидуальному имени в виде прилагательного, и наоборот, еще римским ученым было известно, что их предки первоначально носили только одно имя —

то, которое впоследствии сделалось собственным. Но между тем как в Греции прилагательное родовое имя рано исчезает, у италиков, и притом не у одних только римлян, оно делается главным, так что настоящее индивидуальное имя занимает подле него второстепенное место. Даже можно сказать, что небольшое и постоянно уменьшающееся число, равно как и незначительность италийских и в особенности римских индивидуальных имен в сравнении с роскошным и поэтическим изобилием греческих, наглядно объясняет нам, в какой мере в духе римлян было нивелирование человеческой личности, а в духе греков — ее свободное развитие.

Совместная жизнь в семейных общинах под властью начальника племени, какою она, вероятно, была в греко-италийскую эпоху, как ни непохожа она была на позднейшее государственное устройство греков и италиков, тем не менее она уже должна была заключать в себе зачатки юридического развития и тех и других. «Законы царя Италя», действовавшие еще во времена Аристотеля, быть может, обозначают именно эти общие обеим нациям постановления.

В том, что касалось внутренних дел общины, — спокойствие и соблюдение законов, в том, что касалось ее внешних дел, — военные силы и воинский устав, затем власть начальника племени, совет старшин, собрания способных носить оружие свободных людей, известное государственное устройство — вот что служило содержанием этих законов. Преступление (*crimen*, пеня (*poena*), возмездие (*talio*) — греко-италийские понятия. Строгость долгового права, по которому должник отвечал за неуплату долга прежде всего своим телом, существовала у всех италиков, как, например, даже у тарентинских гераклеотов.

Основы римского государственного устройства — царская власть, сенат и народное собрание, имевшее право лишь утверждать или отвергать предложения, внесенные царем и сенатом, — едва ли где-нибудь описаны так ясно, как в Аристотелевом сообщении о древнем государственном устройстве Крита. Точно так же у обеих наций мы находим зачатки больших обширных государственных союзов, возникавших вследствие братских соглашений между отдельными государствами или даже вследствие слияния нескольких племен, живших до того времени самостоятельно (симахия, синоикизм). Сходству этих основ эллинского и италийского государственного устройства следует придавать тем большую важность, что оно не распространяется на остальные индогерманские племена; так, например, германское общинное устройство отличалось от общинного устройства греков и италиков тем, что не исходило от власти избираемого царя. Впрочем, из дальнейшего изложения будет видно, в какой мере были несходны

Мраморный рельеф с изображением римского легионера, ведущего захваченных пленников. Смирна (современный Измир), Турция. 2 в. н. э.

государственные учреждения, построенные в Италии и в Греции на одинаковом фундаменте, и как политическое развитие каждой из этих двух наций совершалось вполне самостоятельно.

РЕЛИГИЯ

Не иначе было и в области религии. Конечно, и в Италии, точно так же как в Элладе, в основе народных верований лежал один и тот же запас символических и аллегорических воззрений на природу, который и был причиной аналогии между римским миром богов и духов и греческим, аналогии, получившей столь важное значение в позднейших стадиях своего развития. И во многих отдельных представлениях, как, например, в вышеупомянутых образах Зевса-Диониса и Гестии-Весты, в понятии о священном пространстве (*templum*), в некоторых жертвоприношениях и религиозных обрядах обе культуры не случайно только сходны между собою. Но тем не менее и в Элладе, и в Италии эти представления получили такое вполне национальное и своеобразное развитие, что лишь небольшая часть их старого наследственного достояния сохранилась в них заметным образом, да и та была большею частью или вовсе не понята, или понята в ложном смысле.

Иначе и быть не могло; подобно тому как у самих народов выдвинулись те резкие противоположности, которые совмещались в греко-италийском периоде в своем непосредственном виде, так и в их религии отделились понятия и образы, до тех пор составлявшие в их душе одно целое. Видя, как мчатся по небу облака, старинный земледelec мог выражать свои впечатления в такой форме, что гончая богов загоняет разбежавшихся от страха коров в одно стадо;

а грек забыл, что под коровами разумелись облака, и из придуманного со специальной целью сына божественной гончей сделал готового на всякие услуги, ловкого вестника богов.

Когда раздавались в горах раскаты грома, он видел, как Зевс метал с Олимпа громовые стрелы; когда ему снова улыбалось синее небо, он смотрел в блестящие очи Зевсовой дочери Афины. И эти образы, которые он сам для себя создавал, были так полны жизни, что он скоро стал видеть в них не что иное, как озаренных блеском могучей природы людей, и свободно создавал и переделывал их сообразно с законами красоты. Совершенно иначе, но не слабее выражалась задушевная религиозность италийского племени, которое крепко держалось за отвлеченные идеи и не допускало, чтобы их затемняли внешними формами.

Во время приношения жертвы грек подымал глаза к небу, а римлянин покрывал свою голову, потому что та молитва была созерцанием, а эта — мышлением. В природе римлянин чтит все, что духовно и всеобщее; всякому бытию — как человеку, так и дереву, как государству, так и кладовой — он придавал вместе с ним возникающую и вместе с ним исчезающую душу, которая была отображением физического мира в духовной сфере; мужчине соответствовал мужеский гений, женщине — женственная Юнона, меже — Термин, лесу — Сильван, годовичному обороту — Вергумн и т. д. — всякому по его свойствам. В человеческой деятельности одухотворяются даже ее отдельные моменты. Например, в молитве хлебопашца делаются воззвания к гениям оставленной под пар пашни, вспаханного поля, посева, боронения и т. д. — вплоть до свозки и укладки в амбар и открытия дверей в житницу; точно таким же образом освящаются брак, рождение и все другие естественные явления.

Но чем шире сфера, в которой вращаются отвлеченные идеи, тем выше значение божества и тем сильнее благоговение, внушаемое этим божеством человеку; так, например, Юпитер и Юнона олицетворяют отвлеченные понятия о мужестве и женственности, *Dea Dia*, или Церера, — творческую силу, Минерва — напоминающую силу, *Dea bona*, или, как она называлась у самнитов, *Dea supra*, — доброе божество.

Между тем как грекам все представлялось в конкретной и осязательной форме, римлян могли удовлетворять только отвлеченные, совершенно прозрачные формулы, и если грек большей частью отвергал старинный запас самых древних легенд, потому что в созданных этими легендами образах слишком ясно просвечивало понятие, то римлянин был еще менее расположен сохранять их, так как в его глазах даже самый легкий аллегорический покров затемнял смысл священных идей.

У римлян даже не сохранилось никаких следов от самых древних и общих мифов, как например, от того уцелевшего у индусов, у греков и даже у семитов рассказа, что после Большого потопа остался жив один человек, сделавшийся праотцем всего теперешнего человеческого рода. Их боги — не так как греческие — не могли жениться и производить на свет детей; они не блуждали незримо между людьми и не нуждались в нектаре. Но о том, что их отвлеченность, кажущаяся вульгарной только при вульгарном на нее взгляде, овладевала сердца сильно и, быть может, более сильно, чем созданные по образу и подобию человека боги Эллады, может служить свидетельством, даже в случае молчания истории, тот факт, что название веры *Religio*, т. е. привязанность, было и по своей форме, и по своему смыслу римским словом, а не эллинским. Как Индия и Иран развили из одного и того же наследственного достояния — первая богатство своих священных эпосов, второй отвлеченные идеи Зендавесты, — так в греческой мифологии господствует личность, а в римской — понятие, в первой — свобода, во второй — необходимость.

ИСКУССТВО

Наконец, все, что нами замечено о серьезной стороне жизни, может быть отнесено и к ее воспроизведению в форме шуток и забав, которые повсюду, и в особенности в те древние времена, когда жизнь была цельной и несложной, не исключают этой серьезной стороны, а только прикрывают ее. Образование юношества оставалось в Лациуме замкнутым в узких рамках семейного воспитания, а в Греции стремление к многостороннему, но вместе с тем гармоническому развитию человеческой души и тела создало науку гимнастики и воспитания, развитием которых и вся нация, и отдельные лица дорожили как своим лучшим достоянием.

Самые простые элементы искусства были вообще одинаковы и в Лациуме, и в Элладе, как то: почетный танец с оружием, «прыгание» (*trimpus*), маскарад «сытых людей» (*satura*), которые, закутавшись в овечьи и козлиные шкуры, заканчивают праздник своими шутками, наконец флейта, мерные звуки которой служат руководством и аккомпанементом для плясок как торжественных, так и веселых. Едва ли сказывается в чем-либо другом так же ясно исключительно близкое родство эллинов с италиками, и однако развитие этих двух наций ни в каком другом отношении не разошлось так далеко.

По бедности своего художественного развития Лациум стоит почти на одном уровне с теми народами, у которых не было никакой культуры, а в Элладе с невероятной быстротой развились из религиозных представлений миф, культура и из этих последних

тот дивный мир поэзии и ваяния, равный которому история не может указать.

В Лациуме, и в общественной жизни и в частной, признавалась исключительно власть ума, богатства и силы, а в удел эллинам досталась способность сознать блаженное могущество красоты, быть в чувственно-идеальной мечтательности слугою прекрасного друга-отрока и снова находить в воинственных песнопениях божественного певца свое утраченное мужество.

Таким образом, обе нации, в лице которых древность достигала своей высшей ступени, были столь же отличны одна от другой, как одинаковы по своему происхождению. Преимущества эллинов над италиками более ясно бросаются в глаза и оставили после себя более яркий отблеск; но в богатой сокровищнице италийской нации хранились глубокое понимание всеобщего в частном, способность отдельных личностей к самоотречению и серьезная вера в своих собственных богов. Оба народа развились односторонне, и потому оба развились так совершенно. Только узкое тупоумие способно порицать афинянина за неумение организовать его общину так, как она была организована Фабиями и Валериями, или римлянина за неумение ваять, как Фидий, и писать, как Аристофан.

Самой лучшей и самой своеобразной чертой в греческом народе и было именно то, что он не был в состоянии перейти от национального единства к политическому, не заменив вместе с тем свое государственное устройство деспотической формой правления.

Идеальный мир прекрасного был для эллинов всем и даже до некоторой степени восполнял для них то, чего им в действительности недоставало; если в Элладе иногда и проявлялось стремление к национальному объединению, то оно всегда исходило не от непосредственных политических факторов, а от игр и искусств: только состязания на Олимпийских играх, только песни Гомера, только трагедии Еврипида соединяли Элладу в одно целое.

Напротив того, италик решительно отказывался от произвола ради свободы и научался повиноваться отцу, для того чтобы уметь повиноваться государству. Если при такой покорности могли пострадать отдельные личности и могли заглухнуть в людях их лучшие природные задатки, зато эти люди приобретали такое отечество и проникались такою к нему любовью, каких никогда не знали греки, зато между всеми культурными народами древности они достигли — при основанном на самоуправлении государственном устройстве — такого национального единства, которое в конце концов подчинило им и разрозненное эллинское племя, и весь мир.

ПОСЕЛЕНИЯ ЛАТИНОВ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИНДОГЕРМАНЦЕВ

Родиной индогерманского племени была западная часть Средней Азии; отсюда оно распространилось частью в юго-восточном направлении по Индии, частью в северо-западном по Европе. Трудно точнее определить первоначальное место жительства индогерманцев; во всяком случае следует полагать, что оно находилось внутри материка и вдалеке от моря, так как для названия моря нет слова, общего для азиатской и европейской ветвей этого племени. По некоторым признакам можно с известной точностью считать родиной индогерманского племени страны, лежащие вдоль берегов Евфрата.

Замечательно, что первоначальные места жительства двух самых важных культурных племен — индогерманского и арамейского — почти совпадают в географическом отношении, а это служит подкреплением для предположения, что существует родство и между этими народами; это родство, однако, совершенно не может быть прослежено в культурном и языковом развитии. Более точное указание местности так же невозможно, как невозможно проследить дальнейшие переселения отдельных племен. Европейская ветвь, вероятно, после выделения индусов, еще долго жила в Персии и в Армении, так как эти страны были по всем признакам колыбелью земледелия и виноделия. Ячмень, полба и пшеница искони произрастали в Месопотамии, а виноградная лоза — к югу от Кавказа и от Каспийского моря; там также находилось месторождение сливового, орехового и других легко пересаживаемых фруктовых деревьев.

Достоин внимания и тот факт, что у большинства европейских племен, у латинов, кельтов, германцев и славян, море имело одинаковое название; отсюда следует заключить, что эти племена еще до своего разделения достигли берегов Черного моря или также Каспийского. Вопрос, каким путем италики добрались оттуда до цепи Альп и особенно где именно жили они, еще будучи объединены с эллинами, может быть решен только тогда, когда будет выяснено,

каким путем эллины достигли Греции — через Малую Азию или через дунайские области. Во всяком случае можно считать доказанным, что италики, точно так же как и индусы, попали на свой полуостров с севера.

До сих пор еще можно ясно проследить движение умбро-сабельского племени по среднему горному хребту Италии в направлении от севера к югу; последние же фазы этого движения относятся к вполне историческим временам. Не так легко различить путь, по которому совершилось переселение латинов. Оно, вероятно, происходило в том же направлении, вдоль западного берега, конечно задолго до того времени, когда двинулись со своего места первые сабельские племена; воды достигают во время разлива высоких мест лишь после того, как низменность уже покрыта водой: потому только более ранним поселением латинских племен на берегу моря объясняется тот факт, что сабеллы удовлетворились более суровой нагорной местностью и лишь оттуда по мере возможности внедрялись в среду латинских племен.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАТИНОВ
ПО ИТАЛИИ

Общеизвестно, что от левого берега Тибра вплоть до Вольских гор жило латинское племя; но в этих горах, по-видимому оставленных в пренебрежении во время первого переселения, когда еще были свободны равнины Лациума и Кампании, поселилось, как это доказывают вольские надписи, такое племя, которое было в более близком родстве с сабельским, чем с латинским.

В Кампании, наоборот, до прибытия греческих и самнитских поселенцев, вероятно, жили латины, так как италийские названия *Novla*, или *Nola* («новый город»), *Campani*, *Capua*, *Volturnus* (от *volvare*, как *Inturna* от *iuvare*), *Opisci* «работники»), как доказано, древнее самнитского нашествия и свидетельствуют о том, что во время основания Кум греками Кампанией владело италийское и, по всей вероят-